

Новосибирская экономико- социологическая школа Т.И. Заславской – феномен места

Т.Ю. БОГОМОЛОВА, кандидат социологических наук, заведующая отделом социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: bogtan@rambler.ru

Автор рассказывает о Татьяне Заславской как о создателе и научном лидере Новосибирской экономико-социологической школы, дает очерк основных направлений исследований, характерных черт Школы сегодня.

Ключевые слова: Новосибирская экономико-социологическая школа, экономическая социология, Татьяна Заславская

Т.И. Заславская (1927–2013)

Решение актуальных проблем развития *рос-сийской* экономики теснейшим образом связано с совершенствованием социального механизма ее развития. Именно здесь сконцентрированы сегодня наиболее сложные проблемы, и именно отсюда следует начинать работу по преодолению негативных тенденций в экономической жизни страны.

Я полностью разделяю этот взгляд и уверена, что нет человека, который бы усомнился в их актуальности для текущего момента.

А ведь в оригинале вместо российской – обозначена *советская* экономика. И написаны они Татьяной Ивановной Заславской в 1983 г. в завершающей части «Новосибирского манифеста» как переход к постановке задач для нового на тот момент в отечественной науке направления – экономической социологии. «Чтобы “отремонтировать” социальный механизм развития экономики, необходимо его изучить, понять его внутреннее строение, выявить слабые точки, обосновать пути их укрепления», – так видела миссию отечественной экономической социологии основатель направления.

«Объектом его исследований служит взаимодействие экономической и социальной сфер общества, экономических и социальных процессов, в том числе обоснование экономических условий достижения социальных целей, анализ социальных факторов экономического развития, прогноз его социальных итогов. Система научных задач в данной области рисуется следующей:

1) изучение экономической структуры общества, т.е. выделение общественных групп, существенно различающихся положением в экономической сфере, местом и ролью в развитии экономики, уровнем и источниками получаемого дохода. По сравнению с социальной, экономическая структура общества является более конкретной: она охватывает не только классовые, но и территориальные, отраслевые, профессиональные, должностные, доходные и другие группы. Анализ этой структуры предполагает исследование количественной “наполненности”, социально-экономического положения, а также связей и взаимодействий соответствующих групп трудящихся;

2) исследование общественного сознания экономических групп – их целостных ориентации, потребностей, интересов, мотивов деятельности. Социальная типология членов общества по способам и мотивации поведения в экономической сфере. Выяснение важнейших факторов, формирующих разные социальные типы работников, возможностей и путей управления этим процессом;

3) анализ конкретных закономерностей поведения экономических групп в общественном секторе производства, личном и домашнем хозяйстве, сферах образования, распределения, обмена. Выяснение зависимости форм поведения, с одной стороны, от социальных качеств субъектов (работников, потребителей и пр.), с другой – от социально-экономических условий

деятельности, особенностей действующего хозяйственного механизма;

4) изучение форм, условий и результатов взаимодействия органов управления экономикой с экономическими группами. Анализ практики регулирования государством экономической деятельности и поведения групп, их реакций на управленческие воздействия государства, сдвигов в их поведении под влиянием изменения хозяйственного и трудового законодательства, экономических регуляторов и т.д.;

5) разработка и обоснование способов интеграции интересов экономических групп как между собой, так и с интересами общества, более полного и эффективного использования человеческого фактора производства во всех звеньях и на всех уровнях экономической системы. В тех случаях, когда это возможно, экспериментальная проверка более прогрессивных форм социальных и экономических отношений;

6) совместное с другими направлениями науки (политической экономией, правом, социальной психологией, кибернетикой) разработка, обоснование и практическая проверка целостной “модели” социального механизма развития экономики, опирающегося на хозяйственный механизм с эффективными обратными связями...»¹.

Решение этих задач стало руководством к действию, прежде всего, для сотрудников отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства АН СССР, которые составили ядро Новосибирской экономико-социологической школы. Я тогда была еще студенткой и помню, как на одном из методологических семинаров отдела обсуждалась схема социального механизма развития экономики с точки зрения того, кто и как будет разрабатывать тот или иной блок в своих исследованиях. Сотрудники подходили к доске, где была мелом нарисована эта схема, и уверенно обозначали свой научный интерес и возможный вклад в общее дело.

Идея механизма была встречена с энтузиазмом, но работа предстояла непростая.

¹ Заславская Т.И. О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии («Новосибирский манифест») (1983) // Избранное. Том 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2007. – С. 11-32.

Идея социального механизма развития экономики (СМРЭ) естественным образом опиралась на результаты основных направлений исследований, которые велись в отделе социальных проблем: миграция населения, изучение села, социально-территориальная структура, социальная демография, использование времени населением, трудовые отношения, социально-экономическая дифференциация.

В итоге тематический репертуар был дополнен еще одним направлением – социальные механизмы трансформации общества и отдельных его сфер. Территориальную проекцию СМРЭ разрабатывали Е.Е. Горяченко, В.И. Федосеев, А.Я. Троцкий, социально-региональную структуру – С.Г. Кирдина (Крапчан); миграцию населения – Л.В. Корель; социальную демографию – Ф.М. Бородкин, С.В. Соболева; социальный механизм распределительных отношений – А.Н. Шапошников; территориальное поведение в рамках СМРЭ – М.А. Шабанова, личный сектор АПК – З.И. Калугина; социально-экономический механизм жилищных отношений – О.Э. Бессонова, а производственно-экономических отношений в сельском хозяйстве – В.Д. Смирнов. Р.В. Рывкина и её ученики – Л.Я. Косалс, Е.В. Косалс, С.Ю. Павленко, О.В. Шарнина, Л. Потехина – занимались исследованиями социально-управленческого механизма развития экономики.

После отъезда Заславской в Москву руководителем отдела социальных проблем стал д.э.н. Ф.М. Бородкин. Механистический подход нашел продолжение в идее регионального социологического мониторинга экономических реформ, предложенной Ф.М. Бородкиным. Вместо секторов сотрудники теперь были объединены в тематические группы, каждая из которых разработала набор индикаторов и показателей, отражающих ключевые моменты эффектов реформирования экономики в своей области «ответственности»². Конкретные программы проведения мониторинга были реализованы в промышленности, торговле, сфере обслуживания, аграрном секторе, жилищно-коммунальном хозяйстве.

² Региональный социологический мониторинг экономических реформ // Регион: экономика и социология. – 1992. Вып. 3. – С. 14-47.

В 1991 г. была опубликована долгожданная «книга книг» – «Социология экономической жизни: очерки теории». В её основе лежал курс лекций по экономической социологии, который Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина прочитали на экономическом факультете НГУ в 1982 г. По счастливому стечению обстоятельств – это был наш курс поступивших в НГУ в 1980 г. Мы были свидетелями того, как проявлялись контуры новой научной дисциплины: преподаватели рассказывали нам то, что только вчера, а может, и в ночь перед лекцией, легло на бумагу.

В 1995 г. отдел социальных проблем возглавила д.с.н. З.И. Калугина. Постепенно наработки по основным, уже можно сказать классическим, тематическим направлениям НЭСШ стали кристаллизироваться вокруг темы развития человеческого потенциала. В качестве основных его компонентов рассматривались социально-демографический потенциал (половозрастная структура населения, состояние здоровья, продолжительность жизни, естественное и механическое движение населения, включая миграцию иностранной рабочей силы); трудовой (уровень и структура занятости населения, масштабы безработицы, качество рабочей силы, уровень оплаты труда); экономический (уровень благосостояния и реальных доходов населения, социальные гарантии и социальная защищенность); социокультурный (уровень общего образования и профессиональной подготовки, особенности нормо-ценностного сознания и этические ценности)³.

Период 1995–1999 гг. был еще и временем саморефлексии: в публикациях экономистов и социологов страны обозначение «новосибирская социологическая школа» стало встречаться как данность, как признанный факт, но мы все же считали необходимым найти неопровержимые доказательства того, что имеем право называться научной школой. Выделили для начала характерные черты НЭСШ:

- междисциплинарность (работа на стыке социологии и экономики);

³ Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. – С. 168-172.

- стремление к комплексному, системному изучению социальных объектов;
- погруженность в социально-экономическую практику Сибири и её регионов, регулярные социологические экспедиции;
- нацеленность исследований на наиболее острые и актуальные проблемы общественного развития;
- сочетание социологических, статистических и математических методов исследования⁴.

Потом был осуществлен практически науковедческий анализ, результатом которого стал самодиагноз: «Вся история становления и развития новосибирского социологического коллектива позволяет утверждать, что здесь сложилась самостоятельная научная школа, которую можно охарактеризовать как экономико-социологическую... Новосибирская экономико-социологическая школа продолжает развиваться вопреки неблагоприятным условиям именно потому, что является не столько административным образованием, сколько целостной научной школой, которая живет по своим собственным законам»⁵.

Связь НЭСШ с основателем и уехавшими в Москву или за границу представителями школы не прерывалась – были совместные проекты, взаимная интеллектуальная и человеческая подпитка, встречи в Москве и Новосибирске. Было реальное сотрудничество: Татьяна Ивановна была, наряду с новосибирскими коллегами, ответственным редактором трех коллективных монографий, изданных в серии «Исследования Новосибирской экономико-социологической школы». Главным инициатором издания серии и интегратором авторских коллективов, в которые входили не только сотрудники отдела, но и рассредоточенные по стране и миру представители НЭСШ, была З.И. Калугина, научная и научно-организационная деятельность которой служила и служит надежной опорой для НЭСШ.

⁴ Калугина З.И., Бессонова О.Э., Богомолова Т.Ю., Шабанова М.А. Исследования новосибирской социологической школы: от истоков до наших дней // Регион: экономика и социология. – 1997. – №4. – С.3-17.

⁵ Бессонова О.Э., Шабанова М.А. Новосибирский экономико-социологический коллектив как научная школа // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. – С. 121, 138.

Первая монография серии «Социальная траектория реформируемой России»⁶ (1999) отражает содержательный и методологический вклад Новосибирской экономико-социологической школы в развитие отечественной социологии, в изучение механизмов, закономерностей и социальных последствий трансформационных процессов в российском обществе 1990-х годов. В монографии «Россия, которую мы обретаем»⁷ (2003) внимание уделяется сущности, направлениям и результатам трансформаций российского общества; рассматриваются институциональные изменения, социальные практики, а также вопросы экономической стратификации населения России, кристаллизации среднего слоя, влияния социально-экономических неравенств на здоровье населения, проблемы воспроизводства человеческого потенциала. Третья книга «Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития»⁸ (2008) дает оценку человеческого потенциала россиян как приоритетного ресурса и основного критерия развития общества; в ней рассматриваются проблемы и результаты «капитализации» человеческого потенциала; выявляются угрозы и риски человеческого развития; обосновывается новый курс социальной и демографической политики.

На современном этапе новосибирский экономико-социологический коллектив по-прежнему работает в русле идей и задач «Новосибирского манифеста», адаптируя их к актуальной повестке дня. Эта деятельность осуществляется в рамках программы фундаментальных исследований плана НИР ИЭОПП СО РАН «Социальные изменения в России в первой четверти XXI века: институты, практики и группы в контексте глобальных, национальных и региональных вызовов» (координаторы: Т.Ю. Богомолова, З.И. Калугина). Программа состоит из трех проектов.

⁶ Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1999. – 736 с.

⁷ Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – 728 с.

⁸ Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 748 с.

1. Социальная, демографическая и продовольственная безопасность России и регионов Сибири (рук. З.И. Калугина, С.В. Соболева).

2. Социально-трудовые практики и сознание субъектов модернизирующегося общества и экономики (рук. И.И. Харченко).

3. Общество в движении: трансформация институциональных порядков, модернизация труда и частной жизни, формирование новых социально-экономических неравенств (рук. Т.Ю. Богомолова).

Представлю наиболее яркие результаты исследований за 2013 г.

Разработана социологическая концепция сельских хозяйственных укладов, на основе которой были исследованы процессы разрушения старых и становления новых хозяйственных практик и соответствующих им устойчивых форм организации сельской жизни в постсоветской России, выделены этапы становления и трансформации сельской многоукладности, идентифицированы механизмы согласования частных и общих интересов, охарактеризована динамика институтов и деятельностных структур в их «официальных» и неформальных повседневных проявлениях, научно обоснованы принципы дифференцированного подхода к формированию социально-экономической политики на региональном и местном уровнях управления, ориентированного на сбалансированное развитие сельских хозяйственных укладов (к.с.н. О.П. Фадеева).

На основе анализа трансформационных процессов в аграрном секторе России в 1990-е и 2000-е годы дана оценка государственной аграрной политики и ее последствий. Рыночные преобразования аграрного сектора России 1990-х годов привели к экспансии мелкотоварного производства, неэффективности «капитализации» аграрной экономики, разрушению трудовой мотивации работников, обнищанию сельского населения, деградации социальной сферы села. Сельхозпроизводство к концу периода достигло своего минимума. Ориентированная на сбалансированную поддержку как крупных, так и малых предприятий, а также хозяйств населения аграрная политика 2000-х годов дала положительные результаты: АПК начал динамично развиваться, однако достичь «дориночного» уровня производства не удалось до сих пор. Развитие АПК в перспективе будет определяться тремя главными факторами: возрастающим влиянием глобальных вызовов, способностью России проводить

инновационную аграрную политику и адаптационными возможностями сельских сообществ (д.с.н. З.И. Калугина).

Проанализированы реальные и потенциальные угрозы для общественного здоровья в современной России. Всплески эпидемий последних лет связаны с обострением ситуации по особо опасным инфекциям в природных очагах на территории страны, с активизацией международных торговых связей, усилением миграционных процессов, увеличением притока временных рабочих из сопредельных государств, с участвовавшими природными стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями техногенного характера. Ухудшение экологической обстановки и большие психоэмоциональные нагрузки приводят к увеличению распространенности иммунодефицитных состояний. Данные обстоятельства подрывают демографическую безопасность России (д.э.н. С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В. Чудаева).

Выполнен анализ институциональных, структурных и функциональных изменений в сферах формирования (система образования) и использования (рынок труда) человеческого потенциала. Установлено, что на современном этапе имеет место разнонаправленность векторов развития системы профессионального образования и сферы приложения труда. В образовании реализуется вектор на модернизацию по европейским стандартам с ориентацией на превалирование в постиндустриальном обществе сферы услуг и информационных технологий. В экономике же процессы модернизации неустойчивы, нередко наблюдается реиндустриализация. Следствиями являются рассогласованность рынка образовательных услуг и рынка труда, низкая удовлетворенность работодателей компетенциями выпускников образовательных учреждений, высокий спрос на программы курсовой подготовки для получения ряда несложных практических навыков (к.с.н. И.И. Харченко, Н.М. Арсентьева).

Сформирована гипотеза о генезисе, эволюции и трансформации институциональных порядков, разработан методолого-методический инструментарий для ее верификации. Новизна теоретической гипотезы – в раскрытии социально-экономической эволюции на институциональном уровне, где 1) нерыночные экономики описываются как раздаточные, 2) рынок и раздаток рассматриваются как две равноправные и взаимно необходимые институциональные структуры, 3) частная и государственная собственность имеют равный структурирующий и инновационный потенциал. Объяснительный потенциал гипотезы – в раскрытии действия закона рыночно-раздаточного равновесия,

обеспечиваемого глобальной цивилизационной матрицей (д.с.н. О.Э. Бессонова).

На материалах опроса инженерно-технических работников промышленных предприятий Новосибирска выявлены два симптома истощения сложившейся модели трудовых отношений: 1) высокая интенсивность труда ИТР без надлежащей «терапии сопровождения» по обеспечению восстановления их жизненных сил, задействованных в трудовом процессе, в сочетании с недооценкой человеческого фактора как стратегического ресурса производства; 2) разрыв между высоким внутренним потенциалом субъектности ИТР и конкретными производственными условиями и практиками. Первый характеризуется как «предкризис жизненных сил» работников, второй – как «предкризис субъектности труда». Одновременное проявление этих симптомов свидетельствует, что модель трудовых отношений нуждается в корректировке, чтобы не быть тормозом для модернизации (д.с.н. Л.В. Корель).

Разработана авторская концепция социального механизма трансформаций института брака и семьи, которая демонстрирует новый подход к решению научной проблемы интеграции макро- и микроподходов в социологии семьи. Основу концепции составляет положение, что трансформации института брака и семьи детерминируются объективным состоянием демографической сферы российского общества на протяжении последних двух веков. Концепция развивает идеи П. Бурдьё применительно к демографической сфере общества, вводит в научный оборот новые категории – «приватно-демографическое поле» и «приватно-демографический хабитус». Верификация концепции осуществлена на материалах конкретных социологических исследований проблем внебрачного материнства, неофициального супружества, послеразводного родительства, социального сиротства (к.э.н. А.Р. Михеева).

Новосибирская экономико-социологическая школа – это феномен места, где нашла благодатную почву для созидания талантливая в научном и человеческом плане личность – Татьяна Ивановна Заславская. Новосибирский Институт экономики и ОПП СО АН СССР, который создал столь же выдающийся ученый и человек Абел Гезевич Аганбегян, дал «структурную прописку» научному социологическому коллективу, который она возглавляла более 20 лет. Новосибирск стал местом рождения идей, давших толчок развитию экономической социологии в стране, и принципов социологического исследования,

как писанных, так и неписанных, связанных с именем лидера Школы и именами её ближайших сподвижников, таких как Р.В. Рывкина, В.А. Калмык, З.В. Куприянова, Ф.М. Бородкин, В.Д. Смирнов, В.И. Герчиков и др. Но принадлежность к НЭСШ никогда не определялась только лишь географией, местом жительства «учителя и учеников». Когда Заславская жила и работала в Новосибирске, её аспиранты и аспиранты отдела в целом, приехавшие из разных точек Сибири, многие студенты экономического факультета НГУ, выбравшие социологическую специализацию, участники социологических экспедиций отдела, завершив обучение и разъехавшись по стране, считали и считают себя учениками Заславской и/или говорят о своей принадлежности к НЭСШ. Идеи Татьяны Ивановны находят поддержку и развитие у ученых из разных стран, в том числе на постсоветском пространстве.

Трудно переоценить значимость для воспроизводства НЭСШ, да и вообще социологии как профессии кафедры общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета, которая в этом году отмечает свое 25-летие. Эта структура была создана на базе социологической специализации в 1989 г. Р.В. Рывкиной и её учениками при содействии Т.И. Заславской. Это содействие было далеко не региональным – она была среди тех, кто, как сейчас говорят, лоббировал принятие в июне 1988 г. постановления ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества», на основе которого в августе 1988 г. приказом Госкомитета СССР по народному образованию «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране» специальность «прикладная социология» была преобразована в специальность «социология». Это и стало ключевым моментом в институционализации социологического образования, да и самой социологии в масштабах СССР.

Сегодня наши выпускники пополняют магистратуры НИУ ВШЭ в Москве и Санкт-Петербурге, Петербургских Европейского и государственного университетов, едут обучаться за границу. Жаль, но рынок труда сибирских регионов проигрывает в глазах наших выпускников столичному, наука как сфера приложения сил и талантов в нынешних условиях для молодежи малопривлекательна, а мы, вкладываясь в качественное социологическое образование, «отапливаем» космос.

Татьяна Ивановна прожила насыщенную жизнь. Она брала на себя ответственность за крупные, общественно значимые проекты – институционализация социологического образования в СССР, создание Всесоюзного центра изучения общественного мнения. Она была руководителем или соруководителем, участвовала в организации или поддерживала своим авторитетом, входя в попечительские и ученые советы, многие знаковые структуры – «Левада-центр», Московскую высшую школу социальных и экономических наук с Интерцентром при ней, Независимый институт социальной политики и др. Масса людей, сотрудничая с ней, слушая её учебные курсы или выступления на конференциях, просто встречаясь по делу, обогащались в профессиональном, интеллектуальном или духовном плане. Поэтому совсем не удивительно, что после ухода Татьяны Ивановны столько людей называют её своим учителем.

На мой взгляд, можно говорить просто о Школе Заславской, основой которой является Новосибирская экономико-социологическая школа.

В этом году мы впервые встречали 9 апреля, зная, что на земле нет Татьяны Ивановны Заславской. У каждого, кто знал Татьяну Ивановну и/или считает себя частью Школы Заславской, остались собственные дорогие воспоминания, бесценный опыт приобщения к деятельности неординарного Человека, знания, почерпнутые из её научных трудов – все это поддерживает и вдохновляет идти вперед. Учитель продолжает жить в своих учениках, в достижениях её Школой новых рубежей.

* * *

В последующих статьях данного номера «ЭКО», посвященного Т.И. Заславской, читатель получит обобщенное М.А. Шабановой представление о развитии механизменных идей в трудах Татьяны Ивановны – от социального механизма развития экономики к механизму трансформационного процесса, познакомится с траекторией развития ряда важных тематических направлений НЭСШ – изучение сельских сообществ и аграрного сектора экономики (З.И. Калугина), городских агломераций как субэлемента социально-территориальной структуры (Е.Е. Горяченко, Н.Л. Мосиенко), социально-экономического неравенства населения (Т.Ю. Богомолова).